

ИССЛЕДУЕМ ГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 316.662+316.663

ГЕНДЕРНЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ: МУЖСКОЙ УТИЛИТАРИЗМ VS. ЖЕНСКАЯ ИГРА

Часть 1

К.С. Шаров

МГУ им. М.В. Ломоносова

const.sharov@aol.com

В данной статье проведен анализ репрезентации гендерных ролей и гендерных стереотипов в невербальной коммуникации. Показано, что существуют две различные гендерные коммуникативные субкультуры – мужская и женская. Выявлены и описаны их характеристики.

Ключевые слова: гендер, коммуникативные стратегии, невербальная коммуникация, социальные статусы, поведенческие стереотипы.

Не может ли такого быть, что вся эта история о патриархальном господстве, фаллической власти, исконной привилегированности мужского просто лапша на уши?

Жан Бодрийяр. Соблазн.

Любить женщину – значит воспринимать ее с любовью.

Мэрилин Фрай

Формальное описание сверхфразовых словесных комплексов дается в гуманитарной литературе достаточно давно и составляет, с одной стороны, предмет семиотической риторики, а с другой – социологии коммуникации. От Горгия до наших дней в этих дисциплинах уже предпринято столько усилий и получено столько результатов, что ученые, обогащенные значительным багажом накопленной информации, без труда могут применять свои многогранные знания. Что же касается изучения невербальных семиотических систем в комму-

никации (жестов, взглядов, прикосновений, визуального поведения, пространства коммуникации и т. д.), то здесь успехи философии, социологии, лингвистики и семиотики, вместе взятых, далеко не так явны и многочисленны и требуют дальнейших усилий исследователей.

Одной из таких наименее изученных областей является гендерное пространство невербальной коммуникации.

Гендерное различие, по-видимому, представляет собой совершенно непреложный и очевидный факт. Тем не менее

проявления существенных коммуникативных различий между полами даже в рамках одной культуры являются и в настоящее время плохо исследованной сферой, а их семантика и прагматика остаются систематически не описанными.

Легендарный английский разведчик Томас Эдвард Лоуренс (Аравийский) в своей автобиографической книге «Семь столпов мудрости» великодушно разъяснил широкую общественности главную предпосылку своего невероятного успеха в объединении аравийских племен для великого восстания¹. Дело, оказывается, было в том, что, по словам самого Лоуренса, его отношение к женщине полностью совпадало с традиционной точкой зрения арабов на эту проблему. Как пишет автор, «у всякого мужчины определяющим фактором, если речь идет о его деятельности в качестве социального существа, является его отношение к женщине в общении с ней»². Поэтому арабы и признали англичанина своим. Романтика они не поняли бы, пуританина – просто не пожелали бы слушать, сентименталиста – осмеяли бы, но высокомерного прагматика Лоуренса с его напускной смиренностью и скрытым огромным самомнением, тайного женоненавистника, они приняли с распростертыми объятиями.

Возможно, в подобных пассажах, взятых из исторических мемуаров, больше каламбуров, чем серьезных выводов, но факт остается фактом: две никак не связанные, совершенно разнородные (если верить столпу современной мудрости Сэмюэлю Хантингтону и его теории столкновения цивилизаций) и в историческом, и в религиозном, и в традиционном отношении культуры сблизил

¹ Lawrence, Thomas Edward. *Seven Pillars of Wisdom: A Triumph*. – N.Y.: Anchor, 1991.

² Ibid. – P. 110.

лись на основе единой точки зрения на коммуникативное пространство гендера.

Современные философы и социологи уделяют, по-видимому, достаточное внимание семантике гендерного дискурса, ища универсалии такого дискурса (если они существуют) через изучение единиц и общих правил их комбинации.

В настоящей работе нас будет интересовать социологическая интерпретация невербального гендерного дискурса в прямой коммуникации индивидов, не опосредованной социальными институтами и процессами. Главная проблема, которую должен решить любой исследователь, вступивший в это концептуальное поле, по-видимому, состоит в ответе на вопрос: является ли гендерная невербальная коммуникация отражением глубинных социальных гендерных стратегий или любое совпадение биохемиористических знаков и логически-рационального поведения людей – всего лишь случайность, а всей коммуникацией полов управляют всего лишь эмоции и аффекты? При этом я сосредоточу внимание не на конкретных частных случаях невербальной коммуникации (например, жестах или взглядах), а на наиболее общих принципах и стратегиях такой коммуникации.

Социокультурные исследования

Одна из точек зрения, отраженная в замечательных работах известного отечественного лингвиста Г.Е. Крейдлина, состоит как раз в том, что природа невербального общения основана на эмоционально-спонтанной природе человека³. С точки

³ Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика. – М.: Новое литературное обозрение, 2004; Крейдлин Г.Е., Кронгауз М.А. Семиотика, или азбука общения. – М.: МИРОС, 1997; Григорьева С.А., Григорьев Н.В., Крейдлин Г.Е. Словарь языка русских жестов. – М.: Языки русской культуры, 2001.

зрения этого автора, несмотря на «явную» эмоциональную нагруженность жестов, сформулировать «полные и непротиворечивые правила функционирования эмоциональных невербальных знаков в... устной коммуникации крайне сложно»⁴. Это происходит из-за нечеткости определения самого понятия «эмоция» и принципиального несогласия между исследователями из разных сфер гуманитарного знания относительно природы и функций самих эмоций.

Крейдлин отмечает, что такое различие трактовки эмоциональной составляющей жизни человека в трудах социологов, философов, психологов, филологов и нейрофизиологов может быть, в принципе, снято введением целостного взгляда на поведение человека и принятием тезиса о *психофизиологическом единстве* человека⁵, который элиминирует однобокость понимания термина «эмоциональность».

В перечисленных работах исследователь пытается обосновать притязания «невербальной семиотики» [sic], состоящие в поиске точных соответствий между бихевиористическими кодами и эмоциями мужчин и женщин. Данный подход, будучи не лишенным методологической основательности и эмпирической наглядности, все-таки отличается некоторой недоказуемостью многих положений автора и ссылками на сложность однозначного определения эмоциональной мотивации человеческих поступков. Тем не менее на данное время этот подход является одним из немногих продуманных вариантов ре-

шения проблемы интерпретации невербальных знаков и кодов, в том числе и в пространстве гендера, что делает его генетически связанным с теорией человеческой мотивации Абрахама Маслоу⁶, в которой черты самореализующихся личностей американского социолога во многом похожи на крейдлиновские эмпирические обобщения, связанные с эмоциональностью.

Феминистские гендерные исследования

Другую версию проблем, связанных с гендерными социальными ролями, нам предлагает как никогда ранее укрепившая свои позиции феминистская социологическая теория. В ней вопрос решается даже достаточно идеологизированно и в некоторой степени – догматически.

С трудом можно поверить, что в серьезном учебнике для вузов «Феминология и гендерная политика» в аксиоматической форме излагаются настолько пафосные идеологические лозунги, что даже противникам феминизма трудно им не умилиться. Описывая характерные гендерные черты поведения мужчин и женщин, авторы учебника Е.М. Зуйкова и Р.И. Ерусланова отмечают, что «для женщины [в коммуникативном поведении – *К.ИИ.*] характерны доброта, мягкость, гуманность, демократизм... В ней сильнее проявляется чувство, основанное на разуме и сопротивлении грубому насилию, в том числе и сексуальному, как проявлению животного инстинкта... Она отрицательно относится к насилию, остро переживает грубость, несправедливость... Одним словом, женщи-

⁴ Крейдлин Г.Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 16.

⁵ Там же. – С. 18.

⁶ Maslow Abraham H. A Theory of human motivation // Psychological Review. – 1943. – № 50. – P. 370–396.

на – это *стабилизатор цивилизации* [курсив мой – К. III.]⁷.

Так же просто решается вопрос и о мужских поведенческих стереотипах: «агрессивность, властность, авантюризм, жестокость, сарказм, самомнение, эмоции считаются у мужчин слабостью. Для доказательства любви к нему женщины требует физическую близость. Ищет удобства, комфорта дома. При нанесенной обиде меняет предмет увлечения. Речь более грубая и т. д. и т. п.»⁸.

Пожалуй, если все феминистки вскоре начнут подобным образом хвалиться собственным невежеством как методом, который содержит в себе рецепт извлечения истины из глубокого и темного колодца Демокрита (а таких и сейчас достаточно количество), уважение к феминизму будет полностью подорвано в кругу академического научного дискурса.

Феминизм вообще подкупает тем, что в нем все достаточно мифологично и мир просто и четко определен. Женщины в мифе феминизма – ангелы во плоти, пришедшие на землю пролить каплю света в души огрубевших от животных страстей представителей другой половины человечества. Даже вполне серьезный и достаточно признанный в академической среде французский феминистский автор Люс Иригарэ полагает, что все женские стереотипы поведения насильно навязаны женщинам мужчинами в процессе усвоения гендерных социальных ролей⁹. По ее словам, «женщина остается в границах... мужской страны, играет в прятки за многообразными нарядами и всевозможными кокетливыми ма-

⁷ Зуйкова Е.М., Ерусланова Р.И. Феминология и гендерная политика. – М.: Современный гуманитарный университет, 2004. – С. 60 и сл.

⁸ Там же. – С. 61.

⁹ Иригарэ Люс. Этика полового различия. – М.: Художественный журнал, 2004.

сками, которые мужчина будет сбрасывать во время любви... живет там без личности и паспорта, как дитя или животное, в достаточной мере прирученное и передевающееся в человекоподобные костюмы»¹⁰.

Другая феминистская писательница Мэрилин Фрай, рассуждая о поведенческих стереотипах женщин, считает, что женщины в коммуникации с противоположным полом сразу же вовлекаются в рабство из-за «надменности» мужчин¹¹. Женщины конструируют свои поведенческие знаки как защиту против мужской надменности и этим сохраняют себя в качестве «сущностей, нетронутых фаллократическими махинациями»¹². Противоположность этой пресловутой социальной надменности автор видит в «любви к женщине», на которую, по ее мнению, не способен практически ни один мужчина.

Еще один автор Энн Фергюсон замечает, что мужчины, удовлетворяя свой эгоистический интерес, угнетают детей, животных, женщин и негров. При этом различия в поведенческой репрезентации гендерных ролей являются продуктами социального разделения труда, которое, в частности, формируется в процессе семейной социализации. В то время как поведенческие стереотипы женщин создаются на основе альтруистического и направленного на взаимодействие самосознания, самосознание мужчин автономно, эгоистично и нацелено на конкуренцию¹³.

¹⁰ Там же. – С. 165.

¹¹ Frye Marilyn. The Politics of Reality: Essays in Feminist Theory. Trumansburgh. – N. Y.: Crossing Press, 1983. – P. 66.

¹² Ibid. – P. 75.

¹³ Ferguson Ann. Feminist aspect theory of Me // Science, Morality and Feminist Theory. Ed. by M. Hanen K. Nielsen // Canadian Journal of Philosophy. – 1988. Supplementary Vol. № 13. – P. 339–356.

Подводя итог вышесказанному, можно констатировать, что общий феминистский взгляд на распределение гендерных ролей, несмотря на различия во взглядах авторов, представляет собой всего лишь довольно эклектичную антологию догматических и идеологических высказываний, не несущих серьезной эвристической ценности.

Если следовать логике Карла Поппера, то феминистская теория бихевиористической репрезентации социальных ролей в силу своей абсолютной закрытости для конструктивной критики вообще не может рассматриваться в качестве научной истины, а представляет собой своего рода собрание сакральных откровений (очень часто феминистские авторы начинают фразы со слов «мы-то знаем...», как будто они предназначаются только для посвященных!). Ввиду этого полагаю, что она не может быть положена в основу строгого исследования невербальной коммуникации в гендерном пространстве.

Гендерные коммуникативные и поведенческие стереотипы

Такое исследование, думаю, должно в качестве преамбулы иметь анализ гендерных невербальных коммуникативных стереотипов. Как известно, стереотипы можно разделить на авто- (разделяемые своей собственной социальной группой) и гетеростереотипы (разделяемые внешней группой). В нашем случае авто- и гетеростереотипы в равной степени образуют заполнение дихотомически разделенного гендерного пространства. Как отмечает О. Шабурова, «репрезентация определенных гендерных образов кодирует их как гендерные стереотипы... и через показ, научение, повторение, контроль они усваиваются в процессе социализации личности. Гендерные стерео-

типы задают траектории жизненного пути и стандарты образа жизни»¹⁴.

Мной было проведено авторское исследование авто- и гетерогендерных стереотипов. Интересно отметить, что в данном социальном исследовании в ряде случаев авто- и гетеростереотипы в отношении того или иного гендера практически совпадают, но в других случаях могут сильно отличаться, что до некоторой степени соответствует некоторым западным и отечественным исследованиям подобного рода¹⁵.

Методика социологического исследования была построена в виде двухуровневой комбинации пилотного исследования и собственно социологического опроса, включающего метод измерения социальных установок. Все составляющие были проведены на различных целевых аудиториях, что обеспечивает более высокую степень объективности полученных данных. Методологическая схема анализа была следующей.

1. *Пилотное исследование.* Выявление наиболее значимых гендерных коммуникативных стереотипов на основе опроса небольшой (120 чел.) группы людей. Пилотное исследование проведено на студентах различных факультетов Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

¹⁴ Шабурова О.В. Гендерные технологии // Современный философский словарь. Под ред. В.Е. Кемеровы. – М.: Мысль, 1998. – С. 184.

¹⁵ Wiener M., Devoe S., Rubinow S. Geller J. Nonverbal behavior and nonverbal communication // Psychological Review. – 1972. – № 79. – P. 185–214; Eagly A.H. The science and politics of comparing women and men // American Psychologist. – 1995. – № 38. – P. 971–981; Costa M. et al. Gender differences in personality trait across cultures: Robust and surprising findings // Journal of personality and social psychology. – 2001. – V. 81. – № 2. – P. 322–331; Уфимцева Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М.: Праксис, 1996. – С. 131–154.

2. *Основной опрос и измерение социальных установок.* Изучение мнения респондентов (3330 чел.) на основе построенных по данным пилотажа семибалльного шкала Ликкерта с применением метода семантических дифференциалов Осгуда¹⁶. Опрос проведен анонимно по телефону с участием жителей пятнадцати российских городов: Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Томска, Тюмени, Владивостока, Екатеринбурга, Нижнего Новгорода, Краснодара, Ставрополя, Ростова-на-Дону, Сочи, Воронежа, Тулы, Орла.

Был зафиксирован пол и возраст респондентов, что послужило основой для последующего разделения стереотипов на авто- и гетеростереотипы. Результаты исследования представлены в таблице.

Величина функции Ликкерта представляет собой целое число, заключенное в пределах от -3 до $+3$, при этом границы диапазона говорят о предельных значениях, соответствующих семантическим дифференциалам. Респондентам предлагалось выбрать одно из целых значений в указанном интервале. Таким образом, заполненные аудитором со слов респондента опросные листы представляли собой матрицу из ряда целых чисел. Данные опроса обработаны статистически.

Предполагается, что выборочные совокупности функции Ликкерта подчиняются t -распределению Стьюдента. Несмотря на относительно большое количество результатов в выборочной совокупности (этим она сходна с генеральной совокупностью), я не считал возможным использовать методы статистической интерпретации результатов по нормальному распределению

¹⁶ Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программы, методы. – М.: Мир, 1987.

Гаусса или Лоренца ввиду того, что представляется достаточно сомнительным, что искусственно дискретизированное множество смыслов при их потенциальной непрерывности *a priori* подчиняется нормальному распределению.

Более логично допустить, что результаты подчиняются распределению Бартлетта и Стьюдента, и это хорошо согласуется с литературными данными по социологической статистике¹⁷. Критерий Стьюдента выбран в силу его простоты (по сравнению с комплексным критерием Бартлетта) и одновременной способности давать результаты, которые при достаточно большом количестве экспериментов (как в нашем случае) позволяют достигать максимальной правильности.

Первым этапом статистического анализа явилась проверка сомнительных результатов (сильно отклоняющихся от совокупности) на вхождение в совокупность по Q -критерию.

Вторым этапом была непосредственная обработка результатов с расчетом стандартных отклонений и приведенных в таблице доверительных интервалов. В некоторых случаях не представлялось возможным рассчитать достоверные результаты с точностью до второго знака после запятой при выбранном значении доверительной вероятности 0.90 (минимальный уровень для получения практически значимых результатов). Поэтому для этих ситуаций приводятся закругленные значения функции Ликкерта с точностью до первого знака после запятой, что, однако, никак не ухудшает качества эксперимента.

Подчеркнуты и выделены жирным значе- ния, явно тяготеющие к экстремумам.

¹⁷ См., напр.: Дерффель К. Статистика. – М.: Мир, 1994.

Результаты социологического исследования по гендерным коммуникативным и бихевиористическим стереотипам.
Приведено значение оценки интенсивности (функции Анкетерга). Величина доверительной вероятности 0.90

Базис стереотипа	Семантический дифференциал	Респонденты-женщины		Респонденты-мужчины	
		авто-гендерные	гетеро-гендерные	авто-гендерные	гетеро-гендерные
Рациональность	Склонен(-на) к логическому мышлению [+3] – Склонен(-на) к эмоционально-образному, ассоциативному мышлению [-3]	+0.97±0.03	-0.94±0.05	+2.11±0.02	-1.83±0.02
		+1.22±0.01	-1.3±0.1	+0.2±0.1	+0.24±0.07
Спонтанность проявления чувств	Невозмутимый, рассудительный(-ая) [+3] – Аффективный, легко возбудимый(-ая) [-3]	+0.5±0.1	-1.31±0.01	-1.8±0.2	+1.52±0.05
		+0.77±0.03	-1.56±0.09	-1.57±0.04	+1.1±0.2
Слезы и плач	Склонен(-на) выражать эмоции в слезах [+3] – Не склонен(-на) к такому выражению [-3]				
Коммуникативная чувствительность	Менее подвержен(-а) обиде и прочим негативным воздействиям [+3] – Более подвержен(-а) обиде и прочим негативным воздействиям [-3]				
Норма языкового поведения	Красноречивость, риторика [+3] – Молчаливость [-3]	-0.31±0.06	+1.28±0.07	-1.79±0.09	+1.2±0.3
Императив языкового поведения	Добродетелью является красноречие [+3] – Добродетелью является молчаливость [-3]	+0.7±0.1	-0.99±0.02	+1.46±0.08	-2.34±0.05
Реакция на притеснение	Активный и агрессивный ответ [+3] – Уступчивость [-3]	-1.02±0.04	+2.00±0.01	+0.9±0.2	+0.76±0.06
Отношение к сплетням	Распространитель сплетен [+3] – Не склонен(-на) к передаче сплетен [-3]	+1.33±0.03	+1.4±0.1	-1.12±0.07	+2.89±0.09
Болезнь	Склонен(-на) к пустой и праздной болтовне [+3] – Не склонен(-на) к такой болтовне [-3]	+0.2±0.1	+1.95±0.06	-1.9±0.2	+2.73±0.08
Экспрессивность и психологизм поведения	Открытое и спонтанное проявление чувств в беседе [+3] – Сдержанность [-3]	+1.26±0.01	-1.02±0.02	-1.2±0.1	+1.7±0.2

Окончание таблицы

Базис стереотипа	Семантический дифференциал	Респонденты-женщины		Респонденты-мужчины	
		авто-гендерные	гетеро-гендерные	авто-гендерные	гетеро-гендерные
Зрительное внимание	Преобладание восприятия визуальных кодов [+3] – Преобладание восприятия речевых, мимических и тактильных кодов [-3]	+0.10±0.05	-2.06±0.03	+0.35±0.06	-0.73±0.08
Склонность к самоутверждению	Склонен(-на) к самоутверждению [+3] – Не склонен(-на) к самоутверждению [-3]	-0.02±0.07	+1.34±0.02	+1.28±0.07	+2.54±0.09
Социальная ориентированность коммуникации	Коммуникативный настрой в большей степени ориентирован на социально значимые проблемы [+3] – Ориентирован на личные проблемы [-3]	+0.84±0.05	-1.48±0.03	+1.2±0.2	-2.32±0.07
Эмпатия в коммуникации	Склонен(-на) к солидарности и сочувствию в беседе [+3] – Не склонен(-на) к занятию стороны собеседника [-3]	+0.79±0.02	-1.85±0.01	+0.35±0.07	-1.61±0.09
Проявления подозрительности	Склонен(-на) проявлять подозрительность [+3] – Не склонен(-на) к подозрительности [-3]	+0.58±0.05	-0.7±0.1	-0.8±0.2	+1.4±0.3
Склонность к спонтанному обольщению	Склонен(-на) завлекать и обольщать из простого интереса [+3] – Не склонен(-на) к такому поведению Более серьезен(-на) к посласлвным [-3]	+0.63±0.07	-1.19±0.06	-0.41±0.08	+1.3±0.2
Анализ ситуации в коммуникации	Склонен(-на) реально объяснить свои неудачи [+3] – Не склонен(-на) списывать все на обстоятельства [-3]	+1.17±0.03	-2.5±0.2	+1.43±0.08	-2.2±0.3
Тактильное проявление чувств	Склонен(-на) к тактильным выражениям эмоций [+3] – Не склонен(-на) к такому [-3]	+1.1±0.1	+1.88±0.03	+2.10±0.08	-1.95±0.09
Настороженность в коммуникации с противоположным полом	Склонен(-на) к осторожности и настороженности в коммуникации [+3] – Не склонен(-на) к настороженности [-3]	+1.25±0.06	-1.73±0.05	-1.68±0.09	-1.99±0.07

Желание доставить удовольствие собеседнику	Ориентирован(-а) на доставление удовольствия собеседникам [+3] – Не ориентирован(-а) на подобное [-3]	+0.5±0.1	-1.34±0.06	+0.9±0.2	+0.1±0.2
Этическая оценка верности	Принципиальная установка на то, что представители пола верны и праведны [+3] – Установка на то, что они грешны и развратны [-3]	<u>+1.9±0.2</u>	<u>-2.8±0.1</u>	<u>+2.5±0.3</u>	<u>-2.9±0.1</u>
Этическая оценка характера	Представители пола имеют покладистый характер [+3] – Они имеют скверный характер [-3]	0.0±0.1	-1.09±0.07	+0.76±0.05	-1.66±0.08
Оценка качеств: хитрость и коварство	Представители пола хитры и коварны [+3] – Они не отличаются этим [-3]	+0.8±0.2	-1.73±0.07	-1.1±0.3	<u>+2.76±0.05</u>
Оценка качеств: тщеславие	Представители пола склонны к славолению и тщеславию [+3] – Они не отличаются этим [-3]	+1.6±0.4	+2.13±0.05	-1.2±0.1	<u>+2.68±0.08</u>

При анализе таблицы необходимо заострить внимание на ряде моментов. Все проанализированные гендерные стереотипы разбиваются на три большие группы.

Первая – это **частично симметричные стереотипы**, в которых женщины и мужчины оценивают друг друга прямо противоположно и практически одинаково по интенсивности мнения (величина функции Ликкерта статистически практически одинакова). В эту группу попали:

1) *склонность к пустой и праздной болтовне.*

Женщины с большой долей убежденности (+1.95) считают, что мужская часть человечества излишне болтлива и говорит все не по делу, в то время как сами мужчины думают про себя прямо противоположное (-1.9). С другой стороны, мужчины упрекают женщин в просто феноменальной болтливости (+2.73!), причем разброс мнений здесь невелик, поскольку доверительный интервал составляет всего 0.08 единиц шкалы;

2) *наличие интуиции и подсознания.*

Женщины оценивают мужчин как не склонных к интуитивному мышлению и инсайту (-1.01), в то время как представители сильной половины считают себя весьма прозорливыми (+0.85);

3) *социальная ориентированность коммуникации.*

С точки зрения женщин, именно они являются социально ориентированными коммуникантами (+0.84), а мужчины не склонны реализовываться в качестве личностей, позиционирующих себя в социальных процессах (-1.48), однако точка зрения мужчин диаметрально противоположна – именно женщин они считают коммуникантами, ограниченными личными проблемами (-2.32);

4) *склонность к анализу ситуации в коммуникации.*

И женщины, и мужчины склонны считать именно себя трезвомыслящими (+1.17 и +1.43 соответственно), а представитель противоположного пола неспособными признавать собственные ошибки (-2.5 и -2.2 соответственно);

5) *тактильное проявление чувств.*

В глазах женщин мужчины стремятся выражать свои чувства тактильно (прикосновениями, объятьями, поцелуями и т. п.) (+1.88), в то время как мужчины расценивают женщин как недотрог (-1.95), хотя сами женщины высказывают о себе иное мнение (+1.1!) Этот любопытный факт может являться свидетельством игровых стратегий женского: женщины социально репрезентируют себя как существ, обижаемых «грубыми» мужчинами, склонными их чрезмерно «трогать», тем не менее сами женщины, по сути дела, не против, чтобы их таким образом трогали.

Я неспроста привел в качестве эпиграфа цитату из «Грозного Перевала», в которой описывается сцена между младшей Кэтрин и ее двоюродным братом Хэртоном. Лишь легонько притронувшись к ее волосам, т. е. сделав жест, который выражал даже не заигрывание или ухаживание, а только непреодолимое восхищение с некоторой долей поклонения, он получил любопытную гневную отповедь. Вскинувшись, Кэтрин поставила ему серьезный ультиматум: «Если вы близко ко мне подойдете, я опять уйду наверх!»

Интересно, что она не сказала, например: «дам вам пощечину» или «вообще не буду с вами больше разговаривать», что могло бы выражать настоящее презрение, но произнесла: «опять уйду наверх», чем явно намекала Хэртону, что всего лишь беззлоб-

но играет с ним, и совсем ей не противны его ухаживания и тактильные проявления чувств. Во-первых, уход наверх – это не месть или проявление вражды, а всего лишь дальнейшее заманивание. Во-вторых, словом «опять» делается референция на многократность повторения таких уходов и снимается даже тот слабый негативный налет, который присутствует в «угрозе» Кэтрин;

б) *верность.*

Но, пожалуй, сохранение верности является наиболее показательным практически полносимметричным гендерным стереотипом. Женщины считают мужчин законченными изменниками, а себя – особами верными, в то время как мужчины полагают, что верность – добродетель мужского пола, а женщины сплошь обманщицы. Примечательно, что значения функции во всех четырех комбинациях экстремальны, что говорит о перманентности, силе и устойчивости данного стереотипа.

Вторую группу стереотипов составляют **несимметричные стереотипы**, в которых оценка женщинами мужчин и мужчинами женщин различная, т. е. знак функции Ликкерта разный, однако модуль сильно различается в отличие от частично симметричных стереотипов. Сюда попали следующие стереотипы:

1) *рациональность.*

Расхожее мнение, разделяемое представителями мужского пола, состоит в том, что женщинам весьма характерно эмоционально-образное (–1.83), а им самим – логическое и рациональное мышление (+2.11). Мнение женщин противоположное, но не столь экстремальное (+0.97 для самих себя и –0.94 для мужчин);

2) *спонтанность проявления чувств.*

Несмотря на это, женщины воспринимают себя как более рассудительных

и хладнокровных существ, а мужчин – как аффективных и менее эмоционально устойчивых;

3) *норма и императив языкового поведения.*

Женщины считают, что они более молчаливы и уступчивы, чем болтливые и напористые мужчины, однако императив с женской точки зрения диаметрально противоположен: женщинам следует быть более красноречивыми, а мужчинам нужно иногда побольше помолчать;

4) *зрительное внимание.*

В глазах женщин мужчины более способны воспринимать речевые, мимические и тактильные коды, а сами они большее внимание обращают на зрительные образы;

5) *коммуникативная эмпатия.*

Мужчины расценивают женщин в основном как эгоцентричных персон, которые если и допускают сочувствие, то только в отношении самих себя. Женщины, в противоположность сильному полу, эгоцентриками, не способными к выражению сочувствия, считают мужчин;

б) *желание доставить собеседнику удовольствие.*

Мужчины не хотят доставлять удовольствие собеседникам – вот мнение женщин, но сами мужчины придерживаются несколько иной точки зрения;

7) *этическая оценка характера.*

Скверным характером женщины и мужчины взаимно наделяют друг друга, при этом женщины самих себя оценивают нейтрально, а мужчины себя оценивают менее самокритично;

8) *проявления тщеславия.*

Женщины признают в себе сильное тщеславие, но в мужчинах находят еще большие проявления этого недостатка, в то время как мужчины, находя его в женщинах, совершенно не находят в себе.

Третья группа составлена **коллатеральными стереотипами**, в которых мужчины и женщины имеют сходные мнения друг о друге. Эти стереотипы могут быть частично совпадающими или не совпадающими по модулю и совпадающими по знаку. В эту группу вошли стереотипы со следующими базисами:

- 1) *проявление чувств в слезах и плаче,*
- 2) *коммуникативная чувствительность,*
- 3) *реакция на притеснение,*
- 4) *отношение к сплетням,*
- 5) *экспрессивность и психологизм поведения,*
- 6) *склонность к самоутверждению,*
- 7) *склонность к проявлению подозрительности,*
- 8) *свойство не задумываясь обольщать представителей противоположного пола,*
- 9) *жестикаляция,*
- 10) *коммуникативная настроенность,*
- 11) *проявление хитрости и коварства.*

Проведя комплексный анализ результатов исследования, можно достаточно объективно заключить, что:

- мужчинам в значительно меньшей степени, чем женщинам, свойственна откровенность и самокритика, особенно в отношении своего собственного пола;
- мужское самомнение в гендерной коммуникации серьезно превосходит женское;
- суждения мужчин в области репрезентации гендерных стереотипов часто тяготеют к экстремумам в основном в оценке собственных позитивных и женских негативных символических качеств; при этом мнения женщин более умеренны и практически не отклоняются от медианы;
- женщины более трезво оценивают реальную ситуацию в сфере коммуникации гендеров;
- женщины в основном выбирали стереотипы, связанные с игровой сферой и

символической коммуникацией, а мужчины – с формализованно-логической, материальной или утилитарной сферой;

- во многих стереотипах (как сходных, так и симметричных) женщины предстают более склонными проявить уступчивость, чем мужчины;
- мужчины – более ортодоксальные носители устойчивых гендерных мифов, касающихся как личностных характеристик представителей гендера, так и распределения социальных ролей; женщины, наоборот, склонны оспаривать и разрушать бытующие заблуждения, что может являться косвенным свидетельством более широкого мировоззрения женщин;
- женщины более покровительственно смотрят на мужчин, чем мужчины на женщин, и часто склонны расценивать мужчин в качестве «слабого» пола;
- доверительный интервал значений оцениваемой функции при опросе женщин-респонденток обычно уже, чем интервалы, рассчитанные по ответам мужчин, т. е. сходимость результатов в первом случае выше; это говорит о том, что женщины в целом более согласны между собой, чем мужчины между собой при оценке гендерных характеристик;
- женщины и мужчины соглашаются между собой в понимании сущности гендерных стереотипов (сходные стереотипы III группы) в основном по вопросам, касающимся индивидуальных черт личности; расхождения в стереотипах наблюдаются по проблемам, связанным с системой социальных ролей;
- на основе предыдущих пунктов представляется возможным заключить, что женские гендерные стереотипы имеют первичный по времени и каузальности по отношению к мужским стереотипам характер, а

многие мужские стереотипы являются производными от женских.

Результаты подобного количественного исследования достаточно подробно описывают гендерные поля сознания. Несмотря на то что при анализе ответов респондентов не использовались фильтры на темперамент, возраст и социальный статус, результаты можно считать достаточно объективными маркерами культурных гендерных норм современного российского общества.

Они ставят под сомнение высказываемую некоторыми авторами мысль о том, что женская субкультура появилась после мужской и как результат на экспансию мужской, на притеснение женщин со стороны мужчин¹⁸. Более того, они заставляют задуматься: был ли когда-либо вообще период патриархальной культуры, в которой конструировались патриархальные системы социальных ролей, или человеческая культура изначально была построена как феминно-ориентированная, т. е. построена женщинами для репрезентации своего доминирующего положения в обществе.

Не прав ли Жан Бодрийяр, полемизирующий с феминистской социологией, который задался вопросом: «Не может ли такого быть, что вся эта история о патриархальном господстве, фаллической власти, исконной привилегированности мужского просто лапша на уши?»¹⁹ Не логич-

нее ли предположить, что именно мужская культура с ее системой прагматизма и утилитаризма, рационально оформленная в когнитивном поле смыслов и упроченная с помощью ряда социальных институтов, появилась как защитная реакция на экспансию женской культуры, выстроенной по модели размытой логики знаков, являющейся репрезентацией игровых стратегий женского?

Как отметил еще Эрнст Кассирер, знаково-символическая логика с нечетким набором структурных элементов практически всегда обладает большей эвристической значимостью и характеризуется более ранней интеграцией в систему человеческих знаний, чем формальная и математическая логика с фиксированной системой смыслов²⁰. Таким образом, можно небезосновательно предположить, что женская культура как источник гендерных норм появилась до мужской и как причина мужской, и в этом контексте социум всегда имел матриархальную окраску.

Литература

Габриэлян Н. Ева – это значит «жизнь» / Н. Габриэлян // Вопросы литературы. – 1996. – № 4. – С. 32–43.

Дерффель К. Статистика / К. Дерффель. – М.: Мир, 1994. – 268 с.

Зуйкова Е.М. Феминология и гендерная политика / Е.М. Зуйкова, Р.И. Ерусланова. – М.: Современный гуманитарный университет, 2004. – 265 с.

Пригарэ А. Этика полового различия / А. Иригарэ. – М.: Художественный журнал, 2004. – 184 с.

²⁰ Кассирер Эрнст. Философия символических форм. В 3 т. – М.; СПб.: Университетская книга, 2002. – Т. 2. Мифологическое мышление. – С. 113 и сл.

¹⁸ См., напр.: Габриэлян Н. Ева – это значит «жизнь» // Вопросы литературы. – 1996. – № 4. – С. 40; Мольтманн-Вендель Э. И сотворил Бог мужчину и женщину // Вопросы философии. – 1991. – № 3. – С. 95; Хорни К. Женская психология. – СПб.: Наука, 1993; Firestone S. The Dialectic of Sex: The Case for Feminist Revolution. – N.Y.: Bantam Books, 1972.

¹⁹ Бодрийяр Жан. Соблазн. – М.: Ad Marginem, 2000. – С. 37.

- Крейдли Г.Е.* Мужчины и женщины в невербальной коммуникации / Г.Е. Крейдли. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 224 с.
- Крейдли Г.Е.* Невербальная семиотика / Г.Е. Крейдли. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 316 с.
- Крейдли Г.Е.* Семиотика, или азбука общения / Г.Е. Крейдли, М.А. Кронгауз. – М.: МИРОС, 1997. – 192 с.
- Мольтманн-Вендель Э.* И сотворил Бог мужчину и женщину / Э. Мольтманн-Вендель // Вопросы философии. – 1991. – № 3. – С. 93–98.
- Уфимцева Н.В.* Русские: опыт еще одного самопознания / Н.В. Уфимцева // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М.: Праксис, 1996. – 254 с.
- Хорни К.* Женская психология / К. Хорни. – СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 1993. – 222 с.
- Шабурова О.В.* Гендерные технологии / О.В. Шабурова // Современный философский словарь. Под ред. В.Е. Кемерова. – 1084 с. – Лондон и др.: Панпринт, 1998. – С. 183–186.
- Ядов В.А.* Социологическое исследование: методология, программы, методы / В.А. Ядов. – М.: Мир, 1987. – 240 с.
- Costa M. et al.* Gender differences in personality trait across cultures: Robust and surprising findings / M. et al. Costa // Journal of personality and social psychology. – 2001. – V. 81. – № 2. – P. 322–331.
- Eagly A.H.* The science and politics of comparing women and men / A.H. Eagly // American Psychologist. – 1995. – № 38. – P. 971–981.
- Ferguson A.* Feminist aspect theory of Me // Science, Morality and Feminist Theory. Ed. by M. Hanen K. Nielsen / A. Ferguson // Canadian Journal of Philosophy. – 1988. – Supplementary Vol. – № 13. – P. 339–356.
- Firestone S.* The Dialectic of Sex: The Case for Feminist Revolution / S. Firestone. – N.Y.: Bantam Books, 1972. – 346 p.
- Frye M.* The Politics of Reality: Essays in Feminist Theory. Trumansburgh / M. Frye. – N.Y.: Crossing Press, 1983. – 278 p.
- Lawrence T.E.* Seven Pillars of Wisdom: A Triumph / T.E. Lawrence. – N.Y.: Anchor, 1991. – 544 p.
- Maslow A.H.* A Theory of human motivation / A.H. Maslow // Psychological Review. – 1943. – № 50. – P. 370–396.
- Wiener M.* Nonverbal behavior and nonverbal communication / M. Wiener, S. Devoe, S. Rubinow, and J. Geller // Psychological Review. – 1972. – № 79. – P. 185–214.